

0- 770352

На правах рукописи

ЗИМА Вадим Николаевич

КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ И ВЕЧНОСТИ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ
(ВОСТОЧНАЯ ПАТРИСТИКА II-VIII ВВ.)

Специальность 09.00.03 – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва 2008

Работа выполнена на кафедре философии
факультета социологии, экономики и права
Московского педагогического государственного университета

Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор Жог Валерий Иванович

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор Кайдаков Станислав Васильевич

доктор философских наук,
профессор Мареева Елена Валентиновна

Ведущая организация: Московский государственный университет
им. М.В.Ломоносова

Защита состоится «23» VI 2008 года в 16⁰⁰ часов на
заседании диссертационного совета Д 212.154.06 при Московском
педагогическом государственном университете по адресу: 117571, г. Москва,
проспект Вернадского, д. 88, ауд. 812.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПГУ по адресу:
119992, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан «21» сентября 2008 года

Ученый секретарь
Диссертационного совета Михайлов В.В.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000437398

Общая характеристика работы.

Актуальность темы исследования.

Категория времени является одним из центральных предметов философской рефлексии любой исторической эпохи. Несмотря на столь долгую историю ее изучения, рациональное понимание времени и ныне остается одной из сложнейших проблем. Итогом развития философии в области исследования времени является не какое-то одно более предпочтительное решение данной проблемы, а увеличение количества ее интерпретаций. В значительной степени их характер определяется решением вопроса о соотношении категории времени с категорией вечности.

Вместе с тем можно заметить, что в своем современном состоянии проблема времени характеризуется не только традиционным интересом к ней исследователей, но и вновь возросшей актуальностью для решения ряда вопросов как общего, так и частного историко-философского характера. Среди первых, на наш взгляд, можно выделить два ключевых, по своему самостоятельных и в то же время обнаруживающих в работах современных исследователей глубокую внутреннюю связь: 1) вопросы философии и методологии естествознания и 2) эпистемологический статус времени. В ряде работ эта актуальность связывается с идеей темпорального поворота, переоткрытия времени в противовес классическому естествознанию. В современных философских исследованиях этот темпоральный поворот, связанный с абсолютизацией временности в качестве важнейшей характеристики бытия, находит свое выражение в мировоззренческой традиции универсального эволюционизма.

На наш взгляд такое противопоставление является упрощенным. Анализ работ таких современных исследователей как П.П.Гайденко, В.П.Казарян, Л.А.Микешина позволяет выделить, по крайней мере, три группы проблем в области методологии исследования самого времени: отсутствие консенсуса в вопросе об онтологическом статусе времени между исследователями, принадлежащими к разным философским традициям; фундаментальный характер категории времени, которая используется как философским, так и научным и социокультурным знанием и в этом качестве глубоко укоренена в культуре, связана с ценностями и традициями, так что ее познание «требует синтеза когнитивных практик и философско-эпистемологических подходов»¹, а в естествознании – соотношения с мировоззренческими и философскими контекстами, поскольку такие свойства времени, как транзитивность и необратимость задаются именно ими; наличие определенной тенденции в истории европейской философии – связи между постепенным отказом от категории субстанции и процессом абсолютизации временности.

Именно открытие культурно-мировоззренческой составляющей категории времени, сложной истории взаимосвязей и взаимозаимствований между ней и естествознанием, насчитывающей не один этап, позволяет

¹ Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. – М.: Прогресс-традиция, 2002. – С. 577.

говорить об актуальности исследования категории времени в контексте, охватывающим всю историю европейской философии, которая подготовила и оказала влияние на формирование новоевропейского естествознания. Важно отметить, что в современных исследованиях по философии естествознания все более становятся востребованы те категории темпорологии, которые составляют философское наследие античности и средневековья. Исследователи предлагают говорить не только об универсальном эволюционизме, но и о принципах актуализма и телеологизма, в которых уже нет места абсолютизации временности. Темпоральный поворот оказывается, таким образом, глубже, чем это представлялось авторам данного термина, демонстрируя востребованность и значимость богатейшей сокровищницы мысли, накопленной в истории философии. На наш взгляд, для того, чтобы систематически сравнивать намеченные подходы, возможно, придется говорить о расширении категориального аппарата темпорологии в философии современного естествознания. Актуальным в этом случае является обратиться к той философской традиции, в которой такой категориальный аппарат был представлен наиболее полно – к философской традиции Средневековья.

Еще одна причина актуальности обращения к данной традиции – влияние, которое оказало христианское мировоззрение на культурную, интеллектуальную и философскую традицию европейской цивилизации. В этой связи проблема времени в истории европейской философии оказывается одной из ключевых, поскольку своеобразное философское осмысление таких ключевых идей как абсолютного начала мира в результате творения *ex nihilo* и понятия личности, а также разработка экзегетической герменевтики в контексте бытия текста, как особой формы реальности в средневековой философии стало источником формирования в ней богатейший пласта мысли, связанного с осмыслением как онтологической, так и гносеологической природы и функций времени, изучение которых позволяет глубже понять генезис многих идей европейской философии.

Что касается актуальности частного вопроса историко-философского характера, то таковым является вопрос о месте средневековой философской мысли в ряду исторических типов философии. Недооценка философской значимости и своеобразия идей средневековых мыслителей, особенно представителей Восточной патристики, которая сформировалась в эпоху Просвещения и вплоть до XX века тормозила историко-философские исследования в этой области. Результатом непростой судьбы средневековой философии стало как определенное отставание в разработке ее проблематики, так и наличие проблемы замкнутости, недостаточной открытости святоотеческого наследия для секулярного дискурса, отсутствие разработанных герменевтических подходов к патристической философии и ее текстам, позволяющих учитывать специфику экзистенциального контекста их создания и особенности мышления их авторов.

Степень разработанности проблемы.

Специальных систематических исследований, посвященных пониманию содержания и соотношения категорий времени и вечности в онтологическом, гносеологическом и антропологическом аспектах в Восточной патристике в отечественной философской (и философско-богословской) литературе до последнего времени не существовало. В советский период по понятным причинам в данной области о каких-либо исследованиях не могло быть и речи, а то немногое, что было опубликовано, выходило в рамках литературоведческих исследований. Здесь можно отметить работы С.С.Аверинцева и Н.В.Брагинской. Совсем недавно ситуация начала меняться. В Историко-философском ежегоднике '98 опубликованы статьи П.П.Гайденко и М.Л.Хорькова. В первой рассматриваются взгляды Аврелия Августина, Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника. Однако автор ограничивается рассмотрением концепции времени у двух последних анализом лишь двух источников: «О божественных именах» Дионисия Ареопагита с комментариями Максима Исповедника и «Глав о богословии». Вместе с тем необходимо отметить, что это не единственные сочинения Максима, в которых затрагивается проблема времени. Среди них важнейшее – «Амбигвы» (другое название «Трудности»). Статья М.Л.Хорькова посвящена учению о времени Григория Нисского. Следует отметить диссертационное исследование Т.А.Туровцева, в котором предпринята попытка рассмотреть и обобщить подходы к проблеме времени в патристических комментариях на Шестоднев. Однако эта работа, на наш взгляд, написана на материале недостаточного числа источников, целый ряд положений, высказанных ее автором, расходится с оценкой других исследователей, работы которых при этом не упоминаются, со многими выводами автора нельзя согласиться. Можно указать также на статьи «Вечность» и «Время» в Православной энциклопедии и попытку далеко не полного и, в общем, компилятивного изложения, предпринятую Е.И.Хлебосоловым. В солидной монографии В.Я.Саврея о категории времени говорится только в связи с рассмотрением взглядов некоторых авторов, персоналии которых ограничены тематикой исследования, связанного с Александрийской школой, в то время как о формировании систематического средневекового учения о времени можно говорить только начиная с работ представителей каппадокийской школы.

В связи с указанным практическим отсутствием соответствующих исследований светских авторов, важным источником оказываются работы представителей отечественной историко-философской (и историко-богословской) школы, как дореволюционного периода – И.И.Адамова, С.Л.Епифановича, С. Лосева, В.И.Несмелова, А.П.Павловича, И.В.Попова, Н.И.Сагарды, А.Спасского, так и работавших в эмиграции – С.Н.Булгакова (1871-1944), В.Н.Лосского (1903-1958), Г.Флоровского (1893-1979) и их ученика И. Мейендорфа (1926-1992). В дореволюцион-

ных исследованиях, посвященных идеям наиболее значимых представителей патристической мысли, о категориях времени и вечности речь идет лишь в связи с рассмотрением их учения о Боге и космологических учений. Единственной тематической работой является исследование Павловича, но в нем автор ограничивается рассмотрением космогонических учений в связи с экзегезой Шестоднева. Для решения герменевтических задач, связанных с пониманием онтологического, антропологического и эпистемологического своеобразия христианской патристической философии важность представляют исследования историков философии В.В.Зеньковского, А.Ф.Лосева и К.И.Скворцова. В плане историко-философского, а так же теоретического анализа категорий времени и вечности в контексте рефлексии патристической философии безусловно важны работы послереволюционных философов, среди которых представители как философской традиции Русской религиозной философии (С.Н.Булгаков), так и основатели новой (В.Н.Лосский, Г.Флоровский, И. Мейендорф), получившей название неопатристического синтеза. Следует отметить, что работы трех последних авторов вообще чрезвычайно важны для понимания своеобразия философской мысли патристического и византийского периодов, а так же для правильной ее периодизации и концептуализации, поскольку в отечественной философии подобные исследования не проводились. Особенно следует отметить работы Г.Флоровского «Тварь и тварность» и «Понятие творения у святителя Афанасия Великого». Среди работ, посвященных творчеству Максима Исповедника, следует отметить статьи и комментарии современного исследователя А.И.Сидорова, обстоятельную статью В.В.Петрова – первую в отечественной литературе, посвященную исследованию «Трудностей», а так же два первых тома из серии «Византийская философия», в которых кроме указанного выше перевода фрагментов «Трудностей» и перевода имеющего отношения к нашей теме работ П.Шервуда интерес представляют составленные авторами перевода схолии, а так же перевод первого письма Максима Исповедника. Большой интерес представляет недавнее исследование В.М.Лурье - первая в отечественной философии попытка систематического изложения византийской философии периода VI-IX вв, а также основных идей предшествующего периода.

В зарубежных исследованиях XX век был отмечен ростом интереса к патристическому наследию, в том числе в связи с проблемой времени. Можно отметить работы Balthasar, Barr, Boer, Brandon, Callahan, Festugiere, Ladner, Otis, Runia, Sherwood, Sorabji, Thunberg. В работе Barr исследуется библейский лексикон для обозначения «времени» и «вечности». Исследования Balthasar, Callahan, Festugiere, Otis, Runia, Sorabji имеют значение для исследования генезиса, терминологического значения и употребления патристической мыслью и ее отдельными представителями таких ключевых понятий как *aidion*, *aeon*, *diastema*, а так же для проблемы соотношения античной и патристической темпорологии. Из наследия Восточной патристики в центре внимания исследователей оказались Ра-

боты представителей каппадокийской школы, а также представления о времени Григория Нисского (Balthasar, Boer, Otis) и Максима Исповедника (Balthasar, Sherwood, Thunberg). В работах Callahan и Otis обращается внимание на проблему соотношения взглядов Аврелия Августина и каппадокийских мыслителей, особенно Григория Нисского, что имеет большое значение для сравнительного анализа учения о времени и вечности в Восточной и Западной патристике, и показывает, что темпорология Аврелия Августина не является исключительным явлением для патристики. Анализ имеющихся исследований зарубежных авторов показывает достаточно обширный круг изучаемых проблем. В тоже время можно отметить, что эти исследования не нашли достаточно отражения в систематических курсах истории средневековой философии, примером чему служит авторитетная работа Ф.Коплстона по истории философии, в которой рассматриваемая проблематика ограничена взглядами Августина. Проблема соотношения творчества Августина и представителей Восточной патристики, обсуждаемая зарубежными исследователями, равно как и проблема влияния творчества Василия Великого на «Шестоднев» Амвросия Медиоланского, послужили методологическими основаниями для рассмотрения темпорологии этих представителей Западной патристики в нашем диссертационном исследовании.

Не ослабевающий интерес к проблеме времени демонстрирует и факт регулярного появления новых диссертационных исследований, причем затрагивающих различные аспекты данной проблемы. Из недавних, кроме упомянутой работы Т.А.Туровцева, можно отметить работы О.А.Краевской и В.А.Самойлова.

Необходимо отметить, что в тех немногочисленных работах, в которых рассматривается своеобразие понимания категорий вечности и времени в патристике, практически оказалась неразработанной тема оценки онтологического, антропологического и когнитивного статуса времени в понимании ее представителей, проанализированы не все имеющиеся источники, и представляется возможным говорить о существующем плюрализме мнений, часто диаметрально противоположных.

Анализ степени разработанности проблемы позволяет сделать следующий вывод: в настоящее время не существует исследований, в которых систематически излагается проблема соотношения категорий времени, вечности и мира (в отличие, например, от таковых в античной философии) в том виде, как они представлены в Восточной патристике II-VIII вв., и не достаточно решен вопрос о концептуальной целостности и своеобразии ее темпорологического учения.

Предмет исследования.

Взгляды представителей Восточной патристики периода II-VIII вв. относительно категорий времени, вечности, мира и их соотношения в онтологическом, гносеологическом и антропологическом аспектах.

Цель и задачи исследования.

Провести комплексный анализ и осуществить реконструкцию взглядов авторов указанного периода на соотношение категорий времени, вечности и мира как одного из типов постановки и решения проблемы времени в истории философской мысли. Поставленная цель предполагает решение следующих основных задач:

1) определить базу источников указанного периода, содержащих высказывания о категориях времени и вечности и дать классификацию этих источников с учетом специфики проблематики, в контексте которой получили рассмотрение эти категории;

2) определить предпосылки формирования патристического учения о времени и вечности;

3) проанализировать тексты, содержащие высказывания о категориях времени и вечности, а так же посвященные им исследования, выявить и систематизировать представления авторов исследуемого периода по проблеме темпоральных характеристик бытия;

4) выявить и проанализировать соотношение онтологических, гносеологических и антропологических аспектов в патристической традиции рассмотрения темпоральных характеристик бытия.

5) выявить своеобразие исходных метафизических принципов и логических посылок и специфику представлений средневековых авторов о категориях вечности и времени.

Теоретико-методологическая база исследования.

Выбор методологических оснований данного исследования определялся с учетом особенностей интеллектуальной традиции рассматриваемого исторического периода. Таких особенностей две. Во-первых, патристика использует язык и категориальный аппарат философии античной, постепенно вкладывая в него собственные. Во-вторых, гносеологическая парадигма средневековой христианской философии принципиально отличается от античной, имея в качестве источника знания текст Писания, и являясь парадигмой догматоцентричной и герменевтической. На стыке античного философского наследия и христианского догмата творения формируется совершенно новый тип метафизики, связанный с идеей трансцендентного Абсолюта. Основные положения этой метафизики – несамобытность тварного мира и идея *начала*, с одной стороны, и космологический антропоцентризм – с другой – определили все своеобразие средневековой онтологии и космологии. Указанные особенности формирования и своеобразие патристической философии определили необходимость использования следующих методологических оснований. Во-первых, это единство этимологического, логического и исторического подходов. Особое внимание уделено этимологическому, в связи с указанной эволюцией ключевых для средневековой темпорологии понятий, пришедших из античной философии. Во-вторых, методы сравнительно-исторического анализа и историко-философской реконструкции. Последний включал приемы первичного, связанного с рассмотрением источников, и вторичного,

связанного с привлечением различного рода литературы, исследования; метод имманентного интерпретирующего анализа, связанный с анализом философских построений средневековых авторов, и метод синтеза, как соединения интерпретированного материала в новом качестве. В-третьих, приемы герменевтики, в частности, интерпретация и понимание, а так же выявление специфики интерпретируемых текстов Писания с учетом исторических предпосылок и традиций средневековой экзегезы, связанных с существованием различных направлений, например александрийского и антиохийского и их особенностей и методов, в частности аллегорического и буквалистского. В-четвертых, в связи с существованием проблемы включенности (и включаемости) тех или иных средневековых источников в поле историко-философской рефлексии, необходимо оговорить общий критерий для этого. Таковым, как представляется, может быть только один: характер обсуждаемых проблем.

Источниковая база исследования.

Источниковой базой исследования являются Тексты Священного Писания, произведения Филона Александрийского (О сотворении мира согласно Моисею; О том, что Бог не знает перемен); Феофила Антиохийского (К Автолику); Ириней Лионского (Против ересей); Ипполита Римского (Опровержение всех ересей; На книгу Бытия); Оригена (О началах); Климента Александрийского (Строматы); Дионисия Александрийского (Из толкований на книгу Иова; Толкование на начало книги Екклесиаста); Григория Неокесарийского (Фрагменты экзегетического содержания. На целую главу (Иов. III)); Мефодия Патарского (О воскресении; О сотворенном); Афанасия Александрийского (На ариан слова первое и второе; Слово против язычников); Григория Богослова (Слова 3, 15, 17, 29, 31, 32, 38, 39, 40, 42, 43, 45); Василия Великого (Беседы на Шестоднев; Опровержение на защитительную речь злочестивого Евномия); Григория Нисского (Большое огласительное слово; Изъяснение Песни песней Соломона; О душе и о воскресении; О шестодневе; Об устройении человека; Опровержение Евномия; Слово о Воскресении; Слово о тридневном сроке Воскресения Христова; Точное истолкование Екклесиаста Соломонова); Ефрема Сирина (Толкование на книгу Бытия); Амвросия Медиоланского (Шестоднев); Иоанна Златоуста (Беседы на книгу Бытия; Беседы на послание к Римлянам); Августина Блаженного (Исповедь; О граде Божием; Толкования на книгу Бытия); Иеронима Стридонского (Три книги толкований на послание к галатам); Феодорита Кирского (Изъяснение трудных мест Божественного писания; Сокращенное изложение Божественных догматов; Толкование на четырнадцать посланий святого Апостола Павла); Псевдо-Дионисия Ареопагита (О божественных именах); Максима Исповедника (Главы о богословии и о Домостроительстве воплощения Сына Божия; Главы о любви; К Феопемпу схоластику; Мистагогия; Послание к Иоанну Кубикулярию о любви; Толкование на молитву Господню; Толкование на 59 псалом; О различных недоумениях у святых Григория и Дионисия (Амбигвы); Письма I, IX, X; Вопросы-ответы к Фалассию);

Иоанна Дамаскина (Источник знания). В ходе написания работы диссертант также опирался на исследования отечественных и зарубежных авторов.

Научная новизна исследования.

- на основе привлечения большого числа источников осуществлен анализ своеобразия рефлексии категорий времени и вечности в Восточной патристике; проведена работа по выявлению и систематизации источников, относящихся к данной теме;

- выявлено наличие собственного оригинального учения о времени и вечности и его своеобразии в Восточной патристике и проведена его реконструкция, показано центральное место этих категорий в онтологии, гносеологии и антропологии данного периода;

- исследовано значение принципа трансценденции Абсолюта для понимания специфики категорий времени и вечности, проведен сравнительный анализ и прослежена эволюция данных категорий в онтологическом, гносеологическом и антропологическом аспектах у разных авторов;

- проведен комплексный анализ категориального и понятийного аппарата темпорологии в Восточной патристике;

- исследованы различные способы интерпретации категории «начала» в патристике и выявлена методологическая роль их синтеза для обоснования онтологического единства категорий «времени» и «вечности».

- осуществлен наиболее полный из известных на сегодняшний день сравнительный анализ категорий времени и вечности в контексте экзегезы Шестоднева – одного из основных источников среди текстов Писания для историко-философской реконструкции учения о времени в патристике;

- проведен сравнительный анализ психологической концепции времени у Августина Блаженного и онтологической – у Григория Нисского и Максима Исповедника;

- выявлена и проанализирована сущность когнитивной функции времени в антропологии Максима Исповедника в связи с проблемой онтологического статуса материи.

Теоретическая значимость исследования.

Материалы данного исследования способны восполнить существующий на сегодняшний день пробел в истории средневековой философии в вопросе о существовании целостного учения о категориях вечности и времени и его особенностях как в плане сравнительно-исторического анализа, так и в контексте его онтологической, гносеологической и антропологической специфики.

Практическая значимость исследования.

Материалы диссертационной работы могут быть использованы при чтении курсов и спецкурсов по истории философии, онтологии, герменевтике религиозной философии, культурологии, антропологии, этике, религиоведению.

Апробация результатов исследования.

Основные положения диссертации были раскрыты в трех публикациях. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры философии МПГУ и рекомендована к защите.

Структура и объем работы.

Работа состоит из введения, пяти разделов, заключения и библиографии.

Основное содержание диссертации

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, характеризуется степень изученности данной проблематики, формулируются цель и задачи исследования, указываются его теоретико-методологические основания и источниковая база, определяется научная новизна диссертации, теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В **первом разделе** «Предпосылки, источники и периодизация разработок учения о времени и вечности в Восточной патристике» выявляются и анализируются предпосылки, выявляются и систематизируются источники, предлагается периодизация учения о времени и вечности исследуемого периода.

В **1. 1.** - «Предпосылки» - исследуется вопрос о предпосылках формирования и выявляются философские принципы, обусловившие своеобразие указанного учения. Новое осмысление мира и места в нем человека в Средневековье стало результатом вначале столкновения, а затем синтеза философской мысли античности и христианского Откровения. Специфика философской мысли этого периода в том, что она является догматоцентрической. Это не означает простого подчинения разума вере, а является гносеологической парадигмой христианской философии и основывается на двух основных ее идеях – 1) онтологической несамобытности тварного мира; 2) взаимосвязи когнитивной и нравственной способностей человека и ее поврежденности в результате грехопадения, которое может интерпретироваться как ложный аксиологический выбор в пользу парадигмы самобытности. Первая подразумевает наличие объективной истины. Вторая – несамодостаточность разума как инструмента ее познания. Догматы и способ их бытия в виде Откровения, текстов стали рассматриваться как особые способы присутствия знания в мире, своеобразные аксиомы, задающие границы и позволяющие оценивать спекулятивные построения в рамках их предметной области либо как аутентичные христианской традиции, либо квалифицировать их как выход за ее пределы. Однако осмысление содержания догматов было именно философским, логически последовательным, и это осмысление происходило в терминах античной философии, многие из которых не просто заимствовались, но получили новое содержание.

В качестве предпосылок разработки учения о времени и вечности в патристике, учитывая взаимосвязь между ними, можно указать следующие: 1) Учение о времени и вечности, содержащееся в Священном Писании; 2) догмат о творении *ex nihilo*; 3) догмат о Боговоплощении; 4) догмат о Пресвятой Троице; 5) экзегетическое осмысления текста Шестоднева. Далее проводится анализ предпосылок. Диссертант указывает, что текст Шестоднева не может рассматриваться в качестве единственного источника учения о времени и вечности в Св.Писании. Его адекватная реконструкция возможна только на основе целого ряда их. В то же время значение текста Шестоднева очень велико. В нем обозначается проблема *начала*, проходит граница между двумя состояниями тварного мира и человека – до и после грехопадения. Космогония Шестоднева иная, сравнительно с античной, и именно попытка их согласования стала одной из причин возникновения аллегорического метода экзегезы. Современному исследователю необходимо учитывать не только разные методы, но и принципы экзегезы, которые сложились в самой христианской традиции: единство Ветхого и Нового Заветов, единства Св.Писания и Предания, использование текстов христианских авторов с учетом их рецепции самим Преданием. Своеобразие христианства состоит в особом – историческом – понимании категории времени в ее диалектическом единстве с категорией вечности. Отсюда – одно из центральных мест этих категорий в христианстве. Можно говорить о трех аспектах времени – космологическом, сотериологическом и эсхатологическом. Текст Писания непосредственно позволяет выделить следующие категории: *трансцендентную вечность* Бога, *имманентную вечность мира, начала и времени*, из которых первые три античности были неизвестны. Причиной такой новой классификации оказывается идея, которую в философию привносит именно христианство – идея творения *ex nihilo* и связанная с ней идея трансцендентного Бога. Значение догмата о Боговоплощении определяется изменением взгляда на онтологический статус материи, времени и проблему зла в мире. Троичный догмат имеет значение для разработки учения о вечности как свойстве Бога.

В 1. 2. - «Источники и периодизация» - выявляются источники, обсуждается проблемы их систематизации и периодизации. Диссертант отмечает, что исследователь патристического периода методологически должен учитывать его особенность, на которую указывает И.Ф.Мейендорф – отсутствие систем. Категории «времени» и «вечности», при всей их важности для христианской мысли, не являются исключением. С учетом этого, диссертант предлагает рассматривать проблему времени и вечности не как описание ее представления отдельными авторами (хотя безусловно можно говорить о тех из них, у кого она получила более систематическое выражение – Августине Блаженном, Григории Нисском, Максиме Исповеднике), а как совокупность рассматриваемых тем. Проблему представляет также вопрос о периодизации философских взглядов касательно времени и вечности, поскольку они актуализировались исто-

рически в разных аспектах. Диссертант предлагает говорить о необходимости учитывать несколько моментов: 1) влияние внутренних и внешних факторов на тематику решаемых проблем (творение ex nihilo, тринитарная проблема, христологическая проблема); 2) влияние экзегетической традиции; 3) специфику текста Писания, являющегося предметом экзегезы. В разные исторические периоды проблематика, традиции и способы решения вопросов средневековой темпорологии определялись именно ими.

Во втором разделе «Основные понятия средневековой темпорологии» на основе анализа грекоязычных произведений средневековых авторов и с использованием работ отечественных (С.С.Аверинцева, Н.В.Брагинской, П.П.Гайденко) и зарубежных (Balthasar, Barr, Callahan, Festugiere, Ladner, Leyden, Otis, Sorabji, Thunberg) исследователей прослеживается генезис ее понятийного аппарата, в состав которого вошли термины, заимствованные из греческого языка, которые в античности использовались для обозначения категорий, связанных с вечностью (aeon, aidion) и временем (diastema). Их перенос на средневековую почву потребовал пересмотра их философского содержания и был обусловлен особенностями христианского учения о времени и вечности. Особая роль греческого языка для патристики обусловлена двумя причинами: значением античной философии и тем, что Греческий – язык ветхозаветных текстов Св. Писания Септуагинты.

В 2. 1. - «Аеон» - диссертант сравнивает использование аналогичных по значению терминов «aeon» и «aidion» и их использование в переводе Септуагинты. В канонических ветхозаветных текстах Св. Писания слова «век» и «вечность» обозначаются исключительно словом «aeon». Устанавливается, что термин «aidion», обозначающий «вечность», который в философском языке появляется у Платона, а затем у Аристотеля в «Метафизике» (причем для обозначения вечности бога), то есть ранее перевода канонических текстов Септуагинты, в ней не используется, хотя этого можно было бы ожидать, поскольку различие двух типов вечности содержится именно в текстах Св.Писания. Диссертант соглашается с выводом Вагг об использовании классического греческого языка при переводе Септуагинты. Затем диссертант рассматривает значение, которое термину «aeon» усваивается в патристической традиции и ее полемику с гностическим пониманием данного термина. Можно сделать вывод о том, что различное понимание значения термина «aeon» является границей, отделяющей патристическую традицию от гностической.

В 2. 2. - «Aidion» - прослеживается генезис данного термина, который заимствуется представителями Восточной патристики из философского языка античности. В период Средневековья термин, который предположительно заимствуется отцами Церкви у Плотина и Оригена, получает свое употребление в полемических произведениях Мефодия Олимпийского против Оригена в связи с опровержением оригеновской идеи о со-вечности Бога и творения, а затем используется Афанасием Великим и

представителями каппадокийской школы. Это позволяет диссертанту высказать мысль, что причиной использования данного термина в Восточной патристике является необходимость терминологического разграничения нетварной вечности Абсолюта и вечности тварной. Данный термин употребляется для обозначения первой. Диссертант также предлагает собственный анализ употребления терминов «aeon» и «aidion» в схолиях Максима Исповедника к произведению Дионисия Ареопагита «О Божественных именах» и высказывает мысль, что, вопреки мнению П.П.Гайденко, говорить о систематическом различии этих терминов автором схолий вполне возможно.

В 2. 3. - «Diastema» - прослеживается генезис данного термина, который также заимствуется не из языка Писания, а из античной философии, в которой – у стоиков – он использовался для обозначения интервала-длния, которым характеризуется движение, а у Плотина - как время-протяжение жизни Души, внутри которого помещен мир. В Восточной патристике данный термин используется для обозначения времени, как чего-то сходного со свойствами со свойствами изменчивого мира. Анализ зарубежных исследований показывает, что в XX веке среди западных исследователей имела места полемика о связи данного термина и патристической оценкой онтологического статуса времени у Мефодия Олимпийского и Григория Нисского. Диссертант указывает, что оценка, данная В.Оtis взглядам Мефодия Олимпийского требует корректировки. По мнению диссертанта, анализ эволюции значения термина «diastema» в Восточной патристике, осуществленный им на основе изучения источников и зарубежных исследований, позволяет говорить о наличии трех этапов, отражающих тенденцию постепенной универсализации временности, как характеристики тварного бытия в диалектическом единстве с тварной вечностью. На первом (у Григория Неокессарийского и Мефодия Олимпийского) термин используется для обозначения состояния творения после грехопадения. На втором (у каппадокийцев) – приобретает универсальный космологический статус «спротяженности» состоянию мира. На третьем (у Максима Исповедника) оформляется телеологическое понимание термина (distema=dia-stasis), отражающее идею внутренней иерархичности и направленности времени.

В третьем разделе «Вечность Абсолюта и вечность тварная» осуществляется комплексный проблемный и компаративный анализ категории вечности в патристике. Учение о двух типах вечности – одна из важнейших ее особенностей, позволяющей говорить о наличии в рамках патристической традиции собственного оригинального исторического типа данного учения. Источниками этого учения являются труды Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника.

В 3. 1. - «Вечность Абсолюта» рассматривается категория нетварной вечности, онтологическим основанием для которой является принцип трансценденции Абсолюта. Учение о нетварной вечности разрабатывает-

ся в патристике в связи с тринитарной проблемой и преодолением философской традиции неоплатонизма в христианстве, представленной оригенизмом. Вечность есть апофатическое свойство нетварного самобытного Абсолюта, логически вытекающее из его полноты, в которой не может быть изменений, а, следовательно, нет ни начала, ни конца. Следует отметить указание на принципиальную несовместимость времени и вечности у Григория Богослова. У Григория Нисского идея трансцендентности Абсолюта является регулятивным гносеологическим принципом, согласно которому существует естественная онтологическая граница между самобытным и вечным с одной стороны и несамобытным и временным – с другой. Эта граница когнитивно преодолевается только апофатически, но не катафатически. Попытка катафатического ее преодоления неизбежно приводит к усвоению Абсолюта свойств тварного. На этом примере видно, что в рамках патристики были обозначены проблемы, которые в новoeвропейской философии будут поставлены много позже.

Абсолют христианства не только трансцендентен, он является Личностью – обладает особым, ипостасным, способом бытия. Категория сущности в условиях вечности не может мыслиться в пространственно-временных отношениях, но она может мыслиться посредством понятия *тропосов* – способов бытия, благодаря различию которых могут возникать различия *вне временного* характера. Данное открытие особого ипостасного – личностного – способа бытия по сути означает открытие нового – атемпорального – способа отношений, как характеристики нетварного бытия. Применительно к человеку это, в свою очередь, означает понимание нравственной свободы, присущей личности, как особого способа темпоральных отношений, неизвестных античной мысли.

В 3. 2. - «Тварная вечность» - диссертант указывает, что основой выделения этой категории в патристике методологически исходной является идея трансцендентирования самобытного Абсолюта и несамобытного, каузально связанного с ним творения. Результатом осмысления категорий «времени» и «вечности» в свете этой идеи является неизвестное античности онтологическое сближение тварной вечности и времени, поскольку подлинная вечность (вечность Абсолюта) связана с его полнотой, а тварное, являясь несамобытным, одновременно является ограниченным. Тем самым, получает свое обоснование принцип универсальности пространственно-временных характеристик тварного.

Идея творения мира *ex nihilo* в христианстве впервые ставит проблему «начала» мира, причем в двояком смысле – каузальном, с одной стороны, и темпоральном – как начала самого времени – с другой. Проблема «начала» исследуется у Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Нисского, Августина Блаженного, Максима Исповедника. Так, Василий Великий, обращаясь к парадоксу о вечности времени, сформулированном Аристотелем, показывает, что «начало» не может являться временем, это – нечто иное, что должно быть рассмотрено как самостоятельная онтологическая категория. Важно отметить, что в Св. Писании так же

говориться о «начале», как в космологическом, так и каузальном смысле. Обосновывая проблему «начала» как проблему не только экзегетическую, но и как метафизическую, патристическая традиция открывает путь к их синтезу, что позволяет говорить о включенности семантического поля Писания в поле философской проблематики. Суть этого синтеза в том, что «начало» вещей в каузальном смысле будучи связано с Логосом, оказывается референтом их номологического уровня, что позволяет онтологически соотнести «начало» с вечностью-атемпоральностью, как своеобразным способом бытия номологического. В результате время оказывается связанным с вечностью, будучи способом выражения в виде определенной последовательности номологического порядка, заключенного в логосе тварных вещей, что в свою очередь позволяет говорить о принципе «конца времен», как достижении полноты актуального выражения потенциального номологического порядка.

В четвертом разделе - «Время в контексте экзегезы Шестоднева» - проводится анализ патристической экзегезы текста Шестоднева как источника для реконструкции учения о времени. Диссертант отмечает возможность использования данной группы текстов для историко-философских исследований, примером чему является работа Т.А.Туровцева. Однако диссертант выражает несогласие с выводами данного автора об отсутствии времени до грехопадения и о возможности распространять вневременное «начало» на события первой и второй главы книги Бытия и указывает на необходимость более тщательного исследования, применения методов интерпретации и привлечения большего числа источников для адекватной реконструкции патристического учения о времени в контексте Шестоднева.

В 4.1. - «Проблема времени в контексте Шестоднева в произведениях авторов II-IV вв.» исследуется проблема «начала» и «дней творения» в произведениях Климента Александрийского, Оригена, Феофила Антиохийского, Мефодия Патарского и Афанасия Александрийского. Диссертант указывает на невозможность однозначной реконструкции взглядов Климента Александрийского в связи с неразработанностью у него категориального аппарата, делает вывод о временном характере развития творения у Феофила Антиохийского и Мефодия Патарского. На основе анализа экзегетических фрагментов у Афанасия Александрийского делается вывод о невозможности отождествления его позиции со взглядами Оригена, как это предлагает Т.А.Туровцев. У Афанасия Александрийского «начало» понимается не в космологическом, а в онтологическом, каузальном смысле, а идея «совместного творения» интерпретируется как указание на общий онтологический статус тварного - иной в отношении Творца.

В 4.2. – 4.3 рассматриваются взгляды каппадокийских мыслителей, Максима Исповедника, представителей сирийской и латинской – Амвросия Медиоланского и Аврелия Августина - экзегезы. В каппадокийской школе развивается идея «двоякого - общего и частного творения». Можно с уверенностью сказать, что все трое ее представителей говорят о тем-

поральности дней творения, о времени как условии актуализации номологически вложенного в тварное бытие порядка-закономерности, так что атемпоральность *начала* оказывается бытийным проявлением этой номологичности и неотъемлемой стороной того космогонического представления, которое может быть названо «двояким творением». Невозможно согласиться с оценкой Т.А.Туровцева, который переносит акцент на каппадокийскую «теорию вневременности начала творения», считая ее главной особенностью их учения о времени и творении. Диссертант также устанавливает сходство взглядов Максима Исповедника с идеей «двоякого творения». У представителей сирийской экзегезы анализируются экзегетические фрагменты на Шестоднев Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, Феодорита Кирского и делается вывод о том, что они рассматривают Шестоднев как повествование историческое. Устанавливается сходство взглядов латинских авторов на Шестоднев и проблему соотношения времени и творения с каппадокийскими.

В пятом разделе «Проблема онтологического, гносеологического и антропологического статуса времени в средневековой философии» осуществляется реконструкция взглядов представителей патристики на проблему онтологического, гносеологического и антропологического статуса времени.

В 5.1. - «Проблема времени у представителей доникейского периода» - анализируются взгляды Ириния Лионского, Григория Неокесарийского, Мефодия Патарского на онтологический статус времени и проблему связи времени и грехопадения. В онтологическом плане выявляется положительная оценка времени как разновидности творения у Ириния Лионского. Показано, что время не рассматривается как результат грехопадения, но как состояние тленности, в котором человек оказался после грехопадения.

В 5.2. - «Темпорология IV-V вв.» - рассматриваются взгляды каппадокийских мыслителей в связи со сдвигом акцента на антропологическое измерение творения, которое Callahan характеризует как оформление антропоцентрической космологии. Темпорологически это оформляется в виде идеи «воспитательной» функции времени, которое онтологически в своей сродной изменяемым вещам природе рассматривается как условие человеческой свободы. Можно говорить о наличии концепции «времени как условия преодоления времени». Диссертант проводит компаративный анализ концепции времени у Григория Нисского и Аврелия Августина. Выявляется различие подходов двух авторов, так что в целом их концепции могут быть охарактеризованы как психологическая у Августина и онтологическая у Григория Нисского.

В 5.3. - «Когнитивная функция времени в системе Максима Исповедника» предложена реконструкция темпорологических взглядов этого автора, среди которых наибольшее внимание уделяется антропологическим аспектам проблемы, особенно в связи с учением о грехопадении, которое рассматривается как ложная парадигма самобытности, определяю-

щая аксиологические предпосылки когнитивной способности субъекта. Временность человеческого бытия и временная ограниченность космоса не могут позитивно мыслиться вне связи времени и вечности. Время без вечности есть царство, в котором властвуют тленность и смерть. Поэтому, если антропологически время мыслится как некоторое самостоятельное условие свободы, то эпистемологически время не может абсолютизироваться, мыслиться самостоятельно без риска впасть в своеобразный гносеологический пессимизм и даже попытаться мыслить его как некоторое злое начало. Именно в осмыслении диалектического единства времени и вечности появляется идея «педагогической» функции времени, времени-средства, времени-ресурса, когнитивная функция которого состоит не в познании как таковом, а в осознании преходящести, иллюзорности вещного мира, которое является средством нравственного, аксиологического преодоления его притягательности. Притягивать может нечто. Однако Григорий Нисский и Максим Исповедник логически показывают ничтожность вещности мира в качестве референта которого мыслиться материя. Именно это их открытие является своеобразной онтологическим доказательством логической несостоятельности беспредпосылочного знания. Притягательность ничтожности есть именно аксиологический феномен. Поэтому время и призвано научить нас не тому, как устроен мир, а тому, что есть нечто вне времени, а, стало быть, вне тленности и смерти.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования и формулируются его основные выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих опубликованных работах:

1. Зима В.Н. Категории времени и вечности в средневековой философии // Преподаватель XXI век. – М., 2008. - № 1. – С. 146-149. (0,4 п.л.). Статья.

2. Зима В.Н. Учение о двух типах вечности в средневековой онтологии IV-VII вв. // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Выпуск XXXIX – М.: Прометей, 2008. – С. 111-122. (0,7 п.л.). Статья.

3. Зима В.Н. Основные понятия средневековой темпорологии // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Выпуск XXXIX – М.: Прометей, 2008. – С. 106-111. (0,4 п.л.). Статья.

